

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

БАСТИОН

ДРУГИЕ
БОЕВЫЕ СТАЛКЕРЫ

Бастион

Сергей Зверев

Другие. Боевые сталкеры

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Другие. Боевые сталкеры / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Бастион)

Скрываясь от правосудия в Другой Чечне, параллельном мире, в который можно попасть только через Тоннель Времени близ села Ведено, предатель полковник Ждан случайно «проваливается» в советское прошлое – в 1959 год. Следом за ним отправляются спецназовцы майора Стольников, которым приказано во что бы то ни стало найти и уничтожить полковника. Ждан понимает, что уйти от элитных бойцов не получится, и ему в голову приходит коварный и хитроумный план. Он решает убить отца Стольникова, здесь, в прошлом. Тогда майор спецназа не родится, и преследовать его будет некому...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Зверев

Другие. Боевые сталкеры

Предисловие

На рассвете девятнадцатого мая одна тысяча восемьсот двадцать третьего года первая рота Черданского полка Кавказского корпуса генерала Ермолова вышла из крепости Грозная по направлению к селению Кайзехи. В районе Ведено она в полном составе исчезла, и поиски ее ни к чему не привели. Свидетелем того, что она вообще существовала, был рядовой Сажин, на марше отставший и не оказавшийся с ротой в момент ее исчезновения. Вернувшись в крепость Грозная, он доложил командованию о случившемся, но его предпочли счесть за сумасшедшего и отправить в тыл.

Спустя сто семьдесят семь лет командование оперативной бригады особого назначения, дислоцирующейся в Грозном, получает информацию осведомителя о перемещении под Ведено группы подозрительных лиц в ночное время. Проверить это сообщение приказано командиру отдельного разведывательного взвода с одним отделением. Однако в тот момент, когда вертолет с разведчиками на борту подлетает к Ведено, его сбивают с земли переносным ракетным комплексом «Игла»...

Падая, вертолет разбивается и загорается, но небольшая высота позволила разведчикам выжить и даже спасти одного члена экипажа – штурмана старшего лейтенанта Пловцова. Преследуемые бандой полевого командира Алхоева, спланировавшего и организовавшего это нападение, отделение спускается по холму, оказывается на равнине и попадает в окружение. Случайное обнаружение странной пещеры позволяет командиру разведвзвода капитану Стольникову принять решение завести людей в катакомбы. Очень скоро он понимает, что коридорам под землей несть числа и им всем грозит смерть от голода и безумия. После долгих часов поисков группа видит на стене надпись старорусским алфавитом: БОГЪ ОСТАВИЛЪ НАСЪ, и Стольников понимает, что часы их существования сочтены.

Уже отчаявшись, разведчики выходят к водному тоннелю, ведущему из лабиринта. Все они благополучно выбираются через него на свет, и штурман Пловцов, и сам капитан Стольников начинают замечать неладное: знающие карту этой местности, да и вообще исколесившие всю Чечню – один по земле, другой по воздуху, они не узнают этих мест.

Полевой командир Алхоев и войсковой разведчик Стольников охотятся друг за другом не первый год. С тех пор, как капитан жестоко оскорбил брата Алхоева, контролирующий территорию Ведено бандит поклялся уничтожить русского разведчика лично. В то же время ему самому приходится быть осторожным, поскольку капитан Стольников дал себе похожую клятву. Выбравшись из лабиринта, Стольников отдает приказ основной части бойцов находиться у водопада с ранеными, оставшихся он разделил и отправил в разведку местности, одну из групп возглавив лично.

В ходе разведки Стольников убеждается, что территория, где он оказался с бойцами, – не зона эксперимента по выживанию, не параллельный мир, не галлюциногенный бред, а всего лишь неизвестная ученым и федеральным властям часть Чечни. Он выходит на домик, похожий на сторожку, и обнаруживает в ней автомат и обыкновенный навигатор. Позабывшие вещи должны вернуться, и Стольников встречает их в засаде. В перестрелке бандиты погибают, однако прапорщик Жулин, находившийся в группе поиска, возвращается раненый и со странной вестью – один из бойцов взвода на его глазах похищен людьми, одетыми в холщовые домо-тканые одежды.

Стольников отдает прапорщику навигатор с приказом донести его до радиста группы, а сам отправляется на поиски. Вскоре вынужден вступить в бой, в рукопашной схватке его берут в плен, и он оказывается в руках Алхоева. Бандит, давно вынашивающий кровную месть, убил бы капитана, он давно мечтал об этом, и единственное, что не позволяет ему расправиться с разведчиком, – навигатор. Алхоев почему-то ставит прибор выше кровной мести. После отчаянной схватки Стольникову удается бежать, и он воссоединяется с группой. Преследуемая боевиками Алхоева, после ожесточенных перестрелок группа выходит к крепости, похожей на средневековую, и капитан предлагает ее защитникам укрыть их от общего врага. Нехотя неизвестные выполняют просьбу разведчика.

Крепость осаждена людьми полевого командира, а Стольников требует у человека, назвавшегося атаманом, руководителем города, объяснений. Что это за территория? кто такие люди в крепости? – вот вопросы, которые интересуют разведчиков. Рассказ Трофима, старшего в крепости, позволяет Стольникову и его подчиненным сделать невероятное открытие: люди в крепости – потомки заблудившихся сто семьдесят семь лет назад офицеров и солдат первой роты Черданского полка армии генерала Ермолова. Однако вместе с годами сменились нравы, традиции и убеждения, и Стольников вместо доброжелательности видит к себе и своим подчиненным, близким к жителям города по крови, неприязнь и даже враждебность. Трофима и его приближенных не устраивает присутствие русских воинов в городе. Он боится навлечь на себя гнев Магомеда Кровавого – Алхоева, который, как выясняется, хозяйничает на этой территории уже много лет.

И Стольников принимает решение. Он в одиночку пробивается через кольцо осады крепости и выходит к тому месту, которое является воротами в известную ему Чечню. В одиночку ночью легче двигаться. Он выйдет к своим и вернется вместе с подразделениями бригады. Его информация ценна – помимо новой территории, он несет сведения и о странном заводе, предприятии, которое Алхоев организовал вдалеке от города.

Обессиленный, он проходит лабиринт при помощи навигатора и оказывается в руках подразделения федеральных сил в тот момент, когда атаман города Трофим приказывает своим приближенным убить оставшихся в крепости старшего лейтенанта Пловцова и прапорщика Жулина, а бойцов разоружить и пленить. Городу нужна свежая мужская кровь...

Ни Стольников, ни оставшиеся в крепости разведчики еще не знают, с какими страшными людьми и с какими страшными событиями им предстоит встретиться. Для Стольникова и его группы война только началась...

Возвратившись, Стольников выводит группу из Другой Чечни и в момент прощания предупреждает, что бойцы должны разехаться в разные части света и никогда более не встречаться, если им дорога жизнь. Но в случае, если кому-то понадобится помощь друзей, он объявляет условный сигнал для общего сбора. Все покидают Чечню и разъезжаются в разные стороны. И только один из них – лейтенант Ждан, сын генерала из Москвы, – стремясь к карьерному росту, остается служить. Через одиннадцать лет он уже полковник и заместитель генерала Зубова, бывшего командира бригады.

Зубов выходит на Стольникова, встречается с ним в Турции и сообщает, что его дочь находится в плену боевиков, в тюрьме «Мираж», расположенной в Другой Чечне. Он – начальник этой тюрьмы. Зубов просит Стольникова собрать группу и спасти дочь, что Стольников и делает. Вскоре выясняется, что Ждан своими успехами в службе обязан прежде всего не выдающимся заслугам, а Аль-Каиде, человеком которой является. Цель Ждана – поиск священного Источника, расположенного в Другой Чечне. И все время и средства он тратит на это. Волею судеб Стольников и его группа вынуждены снова вернуться в Другую Чечню и начать охоту уже за Жданом. Но полковник, спасаясь от возмездия, уходит в горы, к Мертвому Городу, где случайно оказывается в коридоре времени и попадает в 1959 год. Группа Стольникова следует за ним в пятьдесят девятый.

Никто не знает, что случится теперь...

Глава 1

Мысль, что он недавно жил и действовал в прошлом веке, в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, мешала Ждану сосредоточиться. Он понимал всем своим существом, что это невозможно – так не бывает. Что нарушены законы физики и времени – понимал. Склонялся снова к тому, что его разыграли. Сжимался от мысли, чем этот розыгрыш закончился, и снова и снова возвращался памятью к палатке, поставленной у костра. Он видел на фото деда лицо Дятлова. И готов был сейчас поклясться, что именно это лицо он видел несколько часов назад. Одежда туристов, продукты, газета – все указывало на пятьдесят девятый год. Если это розыгрыш, то режиссер этого розыгрыша сильно постарался. Только где этот режиссер в таком случае?

Документов не было. Взрывы уничтожили и удостоверение, и телефон спутниковой связи. Что-то удалось подобрать, но от военной одежды Ждан избавился решительно. Лишь сунул в рюкзак одного из туристов свои кроссовки. За пояс уложил пистолет, с тем и направился на поиск обжитых мест. Даже если речь идет о десяти, пятнадцати километрах пути – страха полковник не испытывал. Главное – добраться до какого-нибудь селения и понять, где он, в конце концов, находится на самом деле. Речь не о названии населенных пунктов. Речь – о времени.

И все-таки, думал Ждан, это невозможно. – «Пятьдесят девятый... Это ирреально. Противостоит естественности и антинаучно. Об этом не может быть и речи».

Удостоверившись, в конце концов, в том, что стал нечаянным участником какого-то дешевого спектакля, который устроили уделанные наркотой туристы (один из которых похож на Дятлова).

«Туда им и дорога. Трупы найдут, выяснят, что с таким количеством наркотиков в крови они могли и Саяно-Шушенскую ГЭС раскрутить отвертками, и успокоятся. Люди, отправляющиеся в поход с наркотой, вполне могут и гранаты прихватить. Несчастный случай», – решил Ждан и успокоился.

Через два часа, спускаясь с высоты, он увидел дорогу. Она пролежала меж двумя высотами, как везде в горных районах Чечни. Издали он даже заметил автомобиль, своим движением поднимающий облако пыли... Но рассмотреть марку авто не представилось возможным – слишком высоко и далеко.

Через полчаса он спустился к трассе. Теперь она была от него на расстоянии ста метров. Решив на всякий случай не лезть с открытым забралом на дорогу, Ждан сел под дерево, стащил рюкзак с плеч и сунул в рот сигарету.

Первым проехал грузовик весьма странного вида – такой Ждан видел только в кино – полуторка или что-то в этом роде.

Через четверть часа в обратном Цой-Педе направлении проехал старенький зеленый «Москвич».

– Ерунда какая-то, – пробормотал Ждан. – Это же не Куба. Где они столько раритетов нашли?

А через двадцать минут показалась белая «Победа».

– Ничего не понимаю, – проговорил Ждан, выплевывая окурочек. – А где «Жигули», иномарки, «Газели»?

Он сидел в тени дерева до полудня. Мимо проехало около десятка автомобилей. И каждый из них был старше Ждана лет на сорок. Полковник почувствовал, как внутрь заползает неприятное чувство опасности, а спина покрывается потом.

– Жарко, – чтобы успокоить себя, проговорил он без особой нужды.

Да, было жарко. Но не настолько, чтобы снимать спортивную куртку.

Послышался гул мотора, и Ждан вперил взгляд в ту точку меж двух сосен на обочине, где последние два часа рассматривал проезжавшие мимо машины.

Это был грузовой «ЯГ». Протрещав движком и подняв пыль, он промчался в северном направлении.

«Это бред какой-то...»

Ждан надел куртку, накинул одну лямку рюкзака на плечо и стал спускаться на дорогу.

«Согласись: тебя разыграли?» – спросил он сам себя.

И тут же нашел ответ. Нет, все это слишком дорого, во-первых, и кто он такой, чтобы тратить на него столько средств для розыгрыша, – во-вторых? Ждан – не звезда киноэкрана, не шоумен, чего его вдруг разыгрывать не в день рождения, не первого апреля, а просто так? Во время войны со Стольниковым?

«Короче, я сейчас сяду в попутку, рвану до Владикавказа, оттуда на поезде или перекладных – в Минводы. А там до Москвы рукой подать. Улечу к чертовой матери в Германию или Голландию, отлежусь, а потом снова появлюсь в Чечне и найду Источник. Все».

Закончив размышлять, он спустился к дороге и поднял руку перед серой «Победой».

Водитель сбавил скорость, остановился и глянул в открытое пассажирское окно:

– Салам, уважаемый! Куда едем?

– А ты куда, уважаемый? – в тон ему ответил полковник.

– В Шали! Да тут одна дорога! – и рассмеялся.

Ждан сел рядом и вытянул ноги, осмотрелся. «Победа» прекрасно сохранилась. Даже радио работало.

Полковник слышал последние аккорды на рояле и слова песни.

«Ну, слава богу, – подумал Ждан, успокаиваясь и чувствуя, как спадает напряжение. – Рей Чарльз...» Песня закончилась, и тут радио заговорило женским голосом:

«Вы слушали песню знаменитого чернокожего музыканта из Соединенных Штатов Америки Рея Чарльза. А сейчас, уважаемые радиослушатели, послушайте, пожалуйста, песню «Ландыши» на стихи поэтессы Ольги Фадеевой. Музыка композитора Оскара Фельцмана».

Ждан опешил. Голос женщины не напоминал голос диджея.

«Ты сегодня мне принес не букет из пышных роз, не тюльпаны и не лилии...»

– Что нового в мире? – чужим для себя голосом поинтересовался полковник. – А то мы, понимаешь, в горах на два месяца зависли... Одичали совсем.

Водитель пожал плечами:

– ВДНХ открыли.

– Опять?

– Э, что значит – опять?

– Была ВДНХ, стала – ВВЦ. Теперь снова ВДНХ?

Водитель снова пожал плечами:

– Американцы новую подводную лодку с ракетами на воду спустили. Звери.

«Это хорошо, – обмяк Ждан. – Все в порядке».

– Никита Никсону пообещал кузькину мать показать. Не знаю, анекдот или нет. Говорят, ботинком чуть стол не сломал.

Полковник напрягся и тяжело сглотнул. Чувство опустошения снова стало прокрадываться в него как топливная смесь термобарической гранаты.

– Еще что... нового?

– Наши египтянам проект Асуанской плотины передали.

У полковника потемнело в глазах.

– Твою мать...

– Э, зачем ругаешься, хорошо говори, – обиделся водитель.

– А что еще в стране происходит?

– В стране – не знаю, а вот в Америке, говорят, телевизионный приемник сделали. На этих, как их...

– Транзисторах, – почти шепотом подсказал Ждан.

– Точно! Ва, сразу видно ученого человека! Можно без линзы смотреть. – Водитель посерьезнел. – А вы что в горах делаете, дорогой? Туризм или обычаи записываете?

– Нефть ищем, – ответил Ждан первое, что пришло в голову. Опустошение вползло в него и вытеснило способность соображать.

Хозяин «Победы» расхохотался:

– Э, зачем ее искать? Ее здесь хоть залейся – за пятьсот лет не вычерпаешь!

– Мы ту ищем, на которой автобусы на Юпитер летать будут.

– Да ну?..

– Ага. Скоро будут набирать водителей.

– А я смогу водителем стать?

– Конечно. От каждой республики по три водителя.

– Ва... А жену кондуктором взять можно?

– Она у тебя невесомость хорошо переносит?

– Я спрошу.

– Спроси. Слушай, дорогой... – Ждан почесал подбородок. – А по этой дороге, если не сворачивать, в Грозный можно попасть?

– Конечно!

– Понятно. У тебя как с бензином?

– Полный бак. Э, я в Грозный не могу подбросить, товарищ! У меня дела в Шали. Вот поехали в Шали, посидим, хлеб покушаем, вина выпьем. У меня зять рыбу с Севера привез – муксун называется. Слышал?

– Слышал, – тяжело отозвался полковник.

– Рыбу испортить – одна минута. Масло, перец, петрушка... Руки бы оторвал. К рыбе, кроме алычовой приправы, ничего не надо! – И водитель, словно оглядев с гримасой неприязни остальные приправы, отбросил их в сторону рукой. – Поедем?

– Конечно. Только тормозни где-нибудь за леском, дружище. Воды напился, терпеть уже сил нет.

– Это мы сделаем, – согласился водитель и, заметив на горизонте подступающий к дороге лес, нажал на педаль акселератора. – Рыбы покушаем, очень интересно будет про Юпитер послушать.

– Обязательно расскажу...

У леска «Победа» остановилась, и Ждан, выйдя, стал обходить машину...

На милицейском посту скучали двое. Машин в этот день было много: за один только час прошли три на юг и две на север. За последние пятнадцать послевоенных лет люди стали обрастать машинами, как раньше обрастали домашней скотиной. И все лица – знакомые. Но хозяин серой «Победы» ехал здесь, по всей видимости, впервые. Обычно за триста метров местные сбрасывают скорость, чтобы поздороваться, рыбы сушеной передать, кураги или просто воды из домашнего колодца.

Этот же неся на всех парах и останавливаться, по-видимому, не собирался.

– Проверю его, – сказал старлей и направился к обочине.

Заметив на проезжей части фигуру в форме, водитель стал останавливаться.

Но из машины не вышел. Как-то не по-местному это выглядело. Выйти и пожать руку милиционеру здесь – святое дело. Но водитель продолжал сидеть за рулем и ждал, пока к нему подойдет инспектор.

– Куда спешим, товарищ автолюбитель?

– В Шали, – ответил Ждан. Он был спокоен, лишь пальцы на руле прыгнули пару раз. – Я могу ехать?

– Конечно. Только сначала документы предъявим.

Ждан подумал.

– А если я заплачу, ребята? Спешу – ужас! Сколько с меня?

Переодевшись в одежду водителя «Победы», полковник обнаружил в карманах тридцать пять рублей. Он никак не мог понять, много это или мало. Но готов был отдать все.

Он напрасно начал этот разговор. Это на самом деле был одна тысяча девятьсот пятьдесят девятый год. То время, когда милиционерам в горах денег еще не предлагали. Потому что не за что было предлагать. Ждан не понимал, как усложнил ситуацию. Как не понимал и того, что теперь его просто так, не удостоверившись в законопослушности, не отпустят.

– Сколько... Странный вопрос, дорогой. – Старший лейтенант поправил ремень. – Водительское удостоверение.

– Да я же ничего не сделал! Просто еду! Зачем останавливать? У брата сестра в Шали в больнице, рожает!

– А в пятидесяти километрах отсюда совершила побег банда заключенных. Обезоружила караул, убила восьмерых караульных и бежала. Откуда я знаю, что вы не из этой банды?

– Господи помилуй! Я из Грозного, ученый! Ребята, возьмите деньги, и я поехал, а?..

– Вы о людях, гражданин водитель, совершенно не думаете... Вам бы деньги только платить. А человечность, ее ведь, как говорится, не купишь...

Они работали вместе – старлей со старшиной – еще с тех незапамятных времен, когда первый был младшим лейтенантом, а он – младшим сержантом. Оба почти в один день вернулись с войны и теперь работали в ГАИ. Понимали друг друга с полуслова, с полужеста, а поэтому, когда старлей стал еще в начале разговора обращаться с водителем серой «Победы» так, как никогда не позволял себе обращаться с автовладельцами при нормальном течении службы, сержант отошел чуть вправо, чтобы перед ним был обзор «Победы», и сухо закашлялся. Услышав это, офицер стал просить пассажира выйти из машины.

– Да что с вами происходит? – пробормотал Ждан, снова погружая руки в карманы. – Деньги предложил, а вы все равно не хотите меня отпускать. Выпишите мне квитанцию тогда... что ли... Я же не могу, черт возьми, стоять здесь всю жизнь!

– Вы, товарищ автолюбитель, не кричите, – нахмурился старлей. – Не нарушайте. Время проверки не ограничено. Я вообще могу вас на три часа задержать.

Дверь клацнула и отъехала в сторону.

– Мы долго здесь стоять будем? В чем проблема, офицер?

Ждан вышел и, хищно сощурившись, вдруг резко повернул голову назад, на дорогу. Там, на горизонте, в самом конце длинной и белой дороги, показалась черная точка. На его лице сыграл желвак, и он опустил голову. Покрутил головой, словно обдумывая что-то, и во время этого жеста еще раз оценил расположение на дороге второго милиционера.

– Значит, не отпустите?

– Как? – вскинул руки старлей и упер в бока – правая рука случайно опустилась на белую кобуру. – Как без проверки? – повторил он еще громче, приоткрывая кобуру.

– Скверно, – сказал Ждан и вдруг оторвал взгляд от дороги и упер его в глаза офицера. – Очень скверно.

Правая пола его куртки выбросилась вперед, словно под натиском шквала ветра, из нее, взорвавшейся со звуком вскрываемого шампанского, вылетела пыль, и сержант, увидев эту картину, в первую секунду не понял, что коллега его обречен.

Пуля, вылетев из ствола пистолета в кармане Ждана, пробила подкладку, материю и с глухим стуком ударилась в ватную куртку офицера. Из отверстия в синей материи тотчас была выброшена, как гейзером, струя пыли, потом клочок ваты, а после и кровь.

Шагнув назад, старлей стал негнушиться от болевого шока пальцами лапать кобуру, которую отечественный производитель сделал таким образом, чтобы достать быстро оружие не получалось даже в нормальных условиях, стал смотреть на водителя, уже подбирающего вынутый из кармана пистолет второй рукой... Нет, не изумленным взглядом. Взглядом сожаления, что не успел. Что не среагировал первым, хотя с первой фразы разговора увидел, что правая лапа пальто собеседника оттягивается сильнее, чем левая.

И пассажира в спортивной куртке, в каких ходят туристы и спортсмены, через стекло давно заметил, и то, как за все время разговора он не поднял рук выше пояса. И даже не пошевелился. Это невозможно, чтобы за несколько минут томительного ожидания в машине человек не почесал бы ухо, не ковырнулся в носу или просто не растер бы глаз. Но он все время сидел и держал руки внизу.

И только сейчас, когда опускался на колени, разглядел на шее пассажира черное пятно. То место, куда вошла, обжигая кожу, пуля от выстрела в упор...

Он не успевал даже вынуть из упрямой кобуры пистолет. Да и что толку было его выдергивать, если после этого нужно будет и предохранитель снять, и патрон в патронник загнать... Он не успеет сделать и половины этого. Он не успевал даже додумать эту мысль до конца.

Перед глазами офицера в тот момент, когда он услышал с обочины короткую очередь, снова появилось оружие. И с этого мгновения время для старлея начало останавливаться... Как в замедленном воспроизведении, он видел, как импортный пистолет в руке его – теперь это было ясно даже старлею – убийцы дернулся, вороненый затвор медленно, выбрасывая блестящую гильзу, поехал назад, и старлея снова ударило... И снова под сердце, туда, где в кармане куртки лежало уже насквозь пропитанное кровью служебное удостоверение... Он на мгновение закрыл глаза, а когда снова открыл их, перед ним стояло облако, похожее на верблюда...

Он вспомнил, как пятнадцать лет назад, устраиваясь после войны на работу в милицию, проходил психологический тест. И уже немолодая женщина сказала ему, сноровистому пареньку из войск связи: «Нарисуйте мне зверя невиданного» – и дала лист бумаги с карандашом. Много фронтовиков тогда погорело на отсутствии элементарной сообразительности. Кто рисовал драконов с пятью хвостами и десятью головами, кто микроба рисовал, думая, сколько щупалец ему нарисовать, чтобы он выглядел как можно невиданнее, а он, Саша Солейкин, нарисовал верблюда...

«Это же верблюд», – сказала психолог... А он ей заметил, что верблюдов с тремя горбами никто не видел, а потому это и есть самый настоящий зверь невиданный...

И вот сейчас этот трехгорбый верблюд, с каждой секундой перекашиваясь и меняясь в очертаниях, плыл над ним, и голове было холодно...

Сначала пропал слух.

Потом ощущение ног и рук. Онемели губы...

Чьи-то руки взяли его за затылок и уложили на что-то мягкое. Исчезло небо, и сразу пропало изображение.

Перед старлеем была полная темнота, и он успел сказать еще несколько слов:

– Верблюд... Я был тогда не прав... Я его видел сейчас... Значит... он существует...

Придя в себя, сержант сбросил с плеча «ППШ», и сделал это быстро, передернув затвор... О прицельной стрельбе не могло быть и речи – очередь из его автомата, резко пройдясь вдоль дороги, обвалила все четыре боковых стекла «Победы», в брызги разнесла левое боковое зеркало и вырвала лючок от бензобака.

Тот, что стрелял в его товарища, тут же вскинул обе руки вверх, и только это заставило сержанта чуть присесть, а потом и откатиться назад, под прикрытие кирпичной будки. Сколько пуль прошли по тому месту, где он только что стоял, подсчитать было трудно. Понятно было одно: стрелок из водителя был неплохой и, не совершив маневр, все пули попали бы в цель.

Очередь сержантского «ППШ» прозвучала, когда «Победа» взревела своим движком.

«Не может быть такого, чтобы я не попал в убийцу!..» – промелькнуло в голове сержанта.

Он хотел убить! Он хотел, чтобы салон этой проклятой «Победы» стал скользким от горячих мозгов этого гада!..

– Саша! – кричал сержант, на непослушных ногах выходя из-за укрытия. – Саша, ты подожди, Саша...

Эх, повалиться бы на пахнущую выхлопными газами дорогу и улечься поудобнее!.. Короткими, по два патрона, больше не надо... Раз пять по два, как бы это сейчас пригодились... Хоть одна, да вошла бы в покрывку. Через километр «Победа» стала бы приседать набок и вырывать руль из лап этого гада...

Сержант, выйдя наконец на дорогу, пошел к офицеру. Он шел, его ноги подламывались, он хотел, чтобы это был сон...

– Саша... – позвал он еще издали. – А Саша...

Автомат, который он продолжал волочить за ремень по асфальту, скреб дорогу. Потом на землю упал и ремень.

– Саш, ты это брось... Ты что?.. А свадьба моя как... Ты ж свидетель... Сорвать хочешь?

Он подломил ноги в коленях, взял офицера за затылок и аккуратно положил себе на колени. Потом подумал, дотянулся до шапки и стал ее надевать на голову старлея.

А потом стал потряхивать его, словно стараясь разбудить.

– Ты это, Саша... Держись... Ты силы береги... – Сержант не смотрел в лицо друга, он смотрел в небо. Над головой его, медленно переставляя копыта, брел трехгорбый верблюд. – Сроду не видел таких уродов... Сейчас мы тебя в больницу... там вылечат...

Глава 2

Его кто-то отрывал от старлея, отрывал настойчиво, но он упрямо держал офицера одной рукой за клапан кармана, разбухшего и пропитавшегося кровью, а второй намертво сжимал его воротник.

И все-таки их расцепили. Двое каких-то мужиков в странной пятнистой форме подняли старлея, отнесли на обочину.

Сержант встал, поднял «ППШ», направил в сторону исчезнувшей за поворотом «Победы» и опустошил магазин.

– Не нужно, – сказал кто-то, укладывая на автомат сильную руку. – Уже не достать.

Сержант дошел до будки, сел на ступеньку, посмотрел на кровавое пятно у самого края дороги и положил голову на руки. И заплакал.

Забрав у сержанта автомат, Стольников быстро отомкнул диск, посмотрел в его нутро и чертыхнулся. Хотел кинуть и то и другое себе под ноги, но потом, бросив последний взгляд на сержанта, передумал. В два шага приблизившись к «ЗИС-110», он бросил оружие на заднее сиденье.

Двигатель машины ревел, как разбуженный медведь. Гнаться на «ЗИСе» за «Победой» было занятием бесполезным. Вероятно, бензобак машины заправляли бензином, который изготавливался кустарным способом.

– Ты посмотри, а? – изумлялся он, глядя на Жулина. – Это когда же они начали бодягой машины заправлять? В пятидесятых – пожалуйста, в двухтысячном – пожалуйста! Ты понимаешь, с какого времени у них здесь нефть воруют?

В будке трещала радиостанция.

– Солейкин, Солейкин, почему не докладываете?..

Жулин прошел в будку и накинул наушники себе на голову:

– Внимание! Срочно прибыть на этот пост! Здесь произошло боестолкновение. Есть убитый...

– Кто говорит?!

– Прапорщик Жулин.

– Какой прапорщик?

– Обыкновенный прапорщик! – рявкнул Жулин. – Вы что, о прапорщиках никогда не слышали?

– Олег! – крикнул Стольников, слушавший этот разговор. – Прапорщики появились в СССР в семьдесят втором году! Окстись, пока тебя безумным не посчитали!

«Мы будем через двадцать минут!» – раздалось опять где-то вне эфира.

– Значит, через двадцать минут нас здесь не будет, – решил Стольников. – Мамаев, заводи «ЗИС»! Думал на лимузине покататься, а этот хуже телеги!

– Они движок загадили, командир! А тачка-то прикольная!

– Конечно, прикольная! – отозвался Ключников. – Здесь вообще все прикольно! Может, на пару месяцев махнем в Кисловодск, оттянемся?

– Сейчас тебя оттянут по полной программе, – пообещал майор. – В машину! Ждан не мог далеко укатить!

Мамаев тронул автомобиль, и майор бросил последний взгляд на застывшую в неменяющейся позе фигуру милиционера. «Его брать с собой – хлопот не оберешься, – подумал он. – Вопросами замучает».

Транспортом группа обзавелась случайно. Но задолго до того, как выйти к селению, где ночевал начальник райотдела Цой-Педе, Стольникову и его бойцам пришлось пережить ощущения, похожие на те, что пережил Ждан.

Пройдя через комнату с сосудами в подземелье, они увидели лаз, ведущий в лес. Выйдя из него и продолжив путь, разведчики обнаружили странную картину. Их взору предстала завалившаяся палатка и глубокая воронка, какая образуется после попадания снаряда крупного калибра артиллерийского орудия.

Вскоре были найдены документы туристов, их личные вещи. Но самой удивительной находкой оказалось обожженное по краям удостоверение полковника Ждана. Еще не понимая, где они находятся, Стольников решил, что Ждан напоролся в лесу на лагерь боевиков, бежавших из тюрьмы «Мираж». Уцелел ли он – было неясно. Среди трупов его тело обнаружено не было. Но никто не гарантировал, что он не пленен и не уведен в неизвестном направлении.

Осматривая вещи, бойцы замечали странные факты. Куртки, обувь, брюки – эти вещи принадлежали другой эпохе. Попалась на глаза и газета, передовицу которой прочел Ждан.

– Пятьдесят девятый год, – хмыкнул майор. – Неплохо бумага сохранилась.

Двое наручных часов тоже выглядели странно. Такие выпускались около пятидесяти лет назад, но были новехоньки, словно только что из магазина.

– Ерунда какая-то происходит, командир, – озабоченно бормотал Жулин, ходя за Стольниковым по территории разрушенного бивака как на привязи. – Я не вижу ни одного предмета из нашего времени.

– Наверное, это не беглые зеки из «Миража», – предположил Ключников, – а старожилы из крепости. Те, кто отказался переселяться в Южный Стан. Новый поселок не обосновали – опасно, поэтому бродят как цыгане.

– Это версия выглядела бы правдоподобно, когда бы не сохранность найденных вещей, – возразил Стольников. – Старожилы могли натаскать предметов из Обычной Чечни в Другую. Но эти вещи старились бы вместе с ними.

К майору подошел Лоскутов:

– Саша, посмотри.

В руку майора лег советский паспорт.

– На имя какого-то Дорошенко.

– Где взял?

– На трупе.

Они отправились к телу туриста. Развернув паспорт и вытянув руку, Стольников посмотрел на лицо трупа. Фото совпадало по возрасту.

– И что это может значить? – выдавил он.

– Это может означать одно: что мы в пятьдесят каком-то году. Если верить газете – в пятьдесят девятом. Я понимаю, как глупо это звучит, но факты говорят сами за себя...

– Кто-нибудь ел консервы из крабов? – спросил Айдаров, рассматривая в руке банку. – Я впервые вижу такие консервы. Особенно консервы ордена Ленина консервного завода в городе Владивостоке. Кто-нибудь мне объяснит, что здесь произошло и происходит?

Стольников велел прочесать лес в радиусе ста метров. Результатом поиска явились: покоренная взрывом автоматическая винтовка «М16», несколько консервных банок, документы и батарея от телефона космической связи.

– Батарея – единственный предмет, который старше всех других лет на пятьдесят, – заключил Стольников. – Ну, еще винтовка может быть тех же лет, но очень уж она похожа на оружие «грузинов» из арсенала НИИ.

– И что будем делать?

– Мы будем идти дальше. Ждан здесь был. Значит, нужно поторопиться.

Наскоро перекусив найденными продуктами, группа стала спускаться с высоты. Они пересекли грунтовую дорогу, прошли по тому месту, где несколькими часами раньше сидел и размышлял у дороги Ждан, и продолжили спуск. Через полчаса, отойдя от трассы на три кило-

метра, Стольников вывел разведчиков на небольшое село. Станным было то, что у одного из домов стоял длинный лимузин «ЗИС-110».

– Если бы у нас была машина, мы могли бы выехать на трассу, – многозначительно произнес Мамаев. – Ждан вряд ли пойдет лесом. С его формами самый лучший способ удалиться от неприятностей – езда.

Приказав расположиться на опушке леса, Стольников велел Жулину оставить оружие и следовать за ним.

Они вошли в дом, где тучный кавказец вонзал зубы в баранью ногу.

– Вы кто, товарищи?

– Мы из милиции, – спокойно ответил майор.

– Это я из милиции, – возразил тучный чеченец. – Начальник райотдела Цой-Педе. Вы кто такие?

Стольников сказал, что они из московской милиции, и тут случилось то, чего он обособно опасался. Начальник сунул руку в карман и попросил документы. В это время в комнату вошла старушка в черном платке и поставила перед кавказцем стакан молока.

Стольникову пришлось изменить план.

– Документы в машине, на улице.

– Ну, пойдем, посмотрим, – согласился чеченец, разглядывая разведчиков. Стольников выглядел хотя и странно для пятидесяти девятого года, но все-таки это была привычная взгляду одежда. Большие подозрения вызывал в чеченце, бывшем разведчике Великой Отечественной, Жулин. Пятнистая форма, в какую обычно рядят диверсантов, высокие ботинки на шнуровке. Все очень было похоже на маскировочный костюм военнослужащего НАТО. Хотя милиционер и не понимал, зачем НАТО понадобилось забрасывать в советский тыл своего солдата в форме, которая мгновенно вызывает подозрение, гостям чеченец уже не доверял.

И правильно делал, поскольку первое, что сделал прапорщик, когда все трое вышли из дома, – развернулся, перехватил погруженную в карман руку чеченца, подсек его и уложил на крыльцо.

– Послушайте, мы понимаем, что все выглядит странно и нелепо, – заговорил Стольников, вынимая сигареты. – Тем не менее вам придется нам поверить. Скажите, пожалуйста, какой на дворе год?

Чеченец выкатил круглые от ужаса глаза и посмотрел на майора снизу вверх:

– Вы кто такие? Враги?

– Нет, – решительно возразил Стольников. – Как бы странно все это ни звучало сейчас и учитывая обстоятельства, в которых вы находитесь... Мы – друзья. Так какой нынче год?

– Вы что, идиоты? – вскипел чеченец. – Пятьдесят девятый, разумеется! Перепились, сволочи!.. Да я вас!..

– Ну что ты нас, что? – поморщился Жулин. – Короче, где ключи от тачки?

– Какой тачки?

– От машины!

– В кармане.

Стольников сунул руку ему в карман брюк и вместе с ключами выудил оттуда «наган».

– В общем, так. Ты не обижайся, но некоторое время тебе придется посидеть с козами. – И Стольников кивнул прапорщику.

Тот довел хозяина дома до загона, ввел внутрь и усадил рядом с яслями. Срезал веревку, привязанную к перегородке между отделениями, и привязал чеченца к яслям.

– Я вас расстреляю к чертовой матери!.. Вы что, не понимаете, с кем имеете дело?

– Понимаем. Поэтому не вырубает. Просто закроем тебе рот, – по-отечески нежно возразил Жулин и затолкал в рот милиционеру кусок найденной в загоне тряпки. От той же веревки отрезал небольшой кусок и перевязал пленнику рот. – Ты посиди, дорогой.

– Ствол – вот он. – И Стольников, показав чеченцу «наган», уложил его в куриное гнездо. Вынул оттуда сырое яйцо, пробил о гвоздь дырочку и с удовольствием высосал. – Мы... советские люди. Мы – хорошие парни. Просто тебе нужно немного потерпеть. Иначе долго объяснять придется, старина. Пока.

Сев в машину, разведчики доехали до бойцов.

И теперь, осторожно переключившись со второй передачи на третью, Мамаев прислушался к работе двигателя. Кажется, машинка приработалась... И включил четвертую. Она пошла мощнее, выжимая из себя все, что можно выжать до того, как умный водитель переключится на последнюю, пятую. И Мамаев, доведя двигатель до критической точки, включил рычаг до упора вправо, а потом до упора вперед.

– До Ведено двести сорок километров, – подсчитывал Саша. – Около десятка съездов к населенным пунктам и два поста ГАИ. До Грозного мы не дотянем в любом случае. Быть того не может, чтобы люди на КПП, будучи предупрежденными, Ждана пропустили... – майор поискал глазами по консоли и потянулся к ней рукой. – Где-то он должен вильнуть хвостом. Обязательно должен.

Он включил радио.

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...

– Утесов, – пробормотал Стольников, вытягивая ноги и закрывая глаза.

– Ты посмотри, – Айдаров кивнул на радио, – работает!

– А чего ему не работать? Это пятьдесят девятый год. Здесь все работает. И никакой бюрократии. Пенсии платят, и бутылка водки двадцать один рубль двадцать копеек...

– Всего?

– Это до хрущевской денежной реформы. А через два года бутылка будет стоить два рубля двенадцать копеек...

– Кажется, я хочу остаться здесь на пару лет.

– Как бы тебе здесь навсегда не остаться! – угрюмо бросил Баскаков.

У поворота с покореженным указателем «Войцеховка» Мамаев сбросил скорость и стал выискивать глазами свежий след торможения. Он видел такой у места расстрела гаишников полчаса назад. Машина тяжелая, скорость большая. Ждан торопится и теперь знает, что до Грозного его будут встречать не один раз. А потому тормозить будет резко и сворачивать так же в запале. Ему не до соображений о том, что после таких маневров остаются весьма четкие визуальные следы.

– Он обязательно свернет, – рассматривая дорогу, повторил вслух мысль Мамаева Стольников. – Только бы не проглядеть... Войцеховка – мимо. Обочина чистая, сразу после поворота – ровная пыль. «Победа» тут же оставила бы четкие следы. Но их нет, а между нами и Жданом нет ни одной машины.

Встречная появилась через десять минут – старенькая копия «Опеля Кадет»: «Москвич» цвета начинающей подгнивать на земле опавшей березовой листвы – желтый, грязный, со следами зубов ржи на каждом изгибе кузова.

– Тормози его! – приказал Саша.

Мамаев выехал на встречу и нажал рукой на сигнал. Водитель прижал «Москвич» к обочине, едва не завалив машину на бок.

– Багажник открой, живо! – Выскакивая из машины, Стольников оставил дверь открытой. Через несколько секунд на дорогу высыпали бойцы.

Размеры людей, одетых в военную форму, на щуплого горца в кепке произвели гораздо большее впечатление, чем невиданное оружие в их руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.